

ПОЛИТОЛОГИЯ: СТРАТЕГИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

DOI: 10.19181/vis.2019.29.2.577

Политика и квазиполитика в России: векторы возможной трансформации

Ссылка для цитирования: Кучинов А. М. Политика и квазиполитика в России: векторы возможной трансформации // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 2. С. 75–89. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.577>

For citation: Kuchinov, A. M. Policy and quasi-policy in Russia: vectors for a possible transformation. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 75–89. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.577>

**Кучинов
Артемий Михайлович**

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

arkuchinov@yandex.ru

Политика и квазиполитика в России: векторы возможной трансформации

Аннотация. Российская действительность подтверждает актуальность исследования специфики исторической формы политики, сложившейся в стране. Характер наличного властного порядка в постсоветской России требует использовать для его анализа иные аналитические категории, чем демократия или авторитаризм, применять подходы и методы на пересечении политологии и социологии. Такие подходы позволяют рассматривать политику не только как процесс и результат деятельности исключительно элит, но как круга акторов, который не только не задан изначально, а, напротив, не ограничен. Автор статьи¹ предлагает свою типологию политики, отталкиваясь от идеального её типа как институционализированной, основанной на универсальном доверии, а не на насилии, конкуренции ориентированных на общее благо проектов и решений среди неограниченного круга свободных граждан. От политики отличаются явления *недополитики* – отсутствием институционализированности, *дополитики* – отсутствием принципов неограниченности участия и ориентации на общее благо, *антиполитики* – применением нелегитимного насилия. Эти явления обозначаются собирательным термином «квазиполитика». *Недополитика* и *дополитика* присущи «естественному состоянию» людей и способны стать регуляторами общественной жизни и оборота ресурсов, в то время как *антиполитика* является извращением человеческого общежития в случае отсутствия знания о ненасильственных способах решения проблем. Опираясь на эмпирический материал, автор показывает, что в России имеет место теряющее работоспособность явление *дополитики*, и рассматривает возможные тенденции её дальнейшей трансформации. *Дополитика* характеризуется синкретизмом властной, экономической и правовой сфер общественной жизни и по умолчанию является явлением архаичным. Однако степень архаичности *дополитики* бывает разная, в случае России она высока. В России имеет место высокая интеграция на социальном уровне в ситуативных неформальных группах (кликах) при низкой на социетальном уровне степени доверия, из-за чего не возникает политической дифференциации, оформленной в идеологическом плане. Тенденции трансформации российской *дополитики* разнонаправленны и противоречивы: одновременно с усилением *дополитики* посредством архаизации в России наблюдается несистематическое обращение *дополитических* акторов к принципам *недополитики* и *антиполитики*, в случаях, когда *дополитика* не позволяет решать актуальные задачи акторов.

Ключевые слова: власть, политика, квазиполитика, российские трансформации

¹ Исследование проведено в рамках гранта РФФИ «Конституирование поля политики в России: институциональный анализ» (№ 17-03-00446). Руководитель проекта Л. Е. Филиппова.

Опыт общественно-политического развития России после 1991 г. подтверждает актуальность изучения специфики сложившейся в стране исторической формы политики. Исследованиями было показано, что особенности российского властного процесса выражаются прежде всего в его неполитическом характере [Граждане... 2011; Гражданское... 2013; Денисов 2011; Институциональная... 2006; Инфраструктура... 2013; Массовая... 2016; От общественного... 2011; Пастухов; Патрушев 2011; Политическая... 2018; Экспертное... 2017]. В России наблюдается низкая степень социетальной интеграции и относительно высокая — социальной (в неформальных группах, «кликах»), на что указывает, в частности, уровень межличностного и институционального доверия. Как следствие, не артикулируются принцип общего блага (*res publica*) и общая гражданская ответственность, весьма слаба политическая дифференциация по проектам и целям развития, оформленная, в том числе, идеологически, — она подменяется лояльностью или нелояльностью власти.

Теоретико-методологический аспект

Специфика предмета исследования побуждает использовать особый исследовательский инструментарий. Так, в нашем случае продуктивным оказалось изучение российского властного устройства дисциплинами, методами и подходами, находящимися на сопряжении политологии и социологии. Такой синтез позволяет рассматривать властный порядок не только как результат деятельности элит, а как процесс, круг акторов которого не только не задан изначально, а, напротив, не ограничен. Ведь если даже не все потенциальные акторы вовлечены в процесс принятия решений, то те, кто обладают высоким статусом («верхи», «элиты»), в любом случае зависимы от акторов с более низким статусом («низы», «народ»). Границы между «верхами» и «низями» зачастую размыты; и «верхи», и «низы» участвуют в обороте ресурсов, подкрепляющих власть и распределяемых ею, причём часть ресурсов могут неявно распределять «низы». И «верхи», и «низы» в равной степени вовлечены в тот или иной дискурс (понимаемый нами как порядок взаимодействия), позволяющий пользоваться теми или иными правилами (по Э. Гидденсу — нормами и интерпретативными схемами [Гидденс 2005]). Более того, если говорить об «авторитаризме», к которому иногда сводят понимание сегодняшнего властного процесса в России, то, как известно, и этот феномен основан на бездействии и пассивности граждан — уже поэтому невластных акторов не стоит игнорировать.

При определении политики мы используем «немакиавеллистский» подход, основанный на учениях политических мыслителей Античности (Платон, Аристотель) и развиваемый в рамках современной политической философии (особенно — Х. Арндт и Ш. Муфф). Немакиавеллистский подход используется нами потому, что макиавеллистский (определе-

ние политики через власть) предполагает слишком широкое понимание политики: ведь под стремление «завоевания власти» легко подводится преступность вроде терроризма, вооружённого мятежа, насильственного захвата власти, в то время как политика в идеальном случае основана на морали и праве (Аристотель). С точки зрения немакиавеллистского подхода политика даже противопоставляется власти, насилию, преступности. Таким образом, случаи применения насилия говорят о том, что эти акты поведения уже не являются политикой. Политика понимается нами как институционализированная, основанная на универсальном доверии, а не на насилии, конкуренция ориентированных на общее благо проектов и решений среди неограниченного круга свободных граждан. Родовой термин в определении — конкуренция, вне конкуренции не может существовать политика; однако не всякая конкуренция имеет цивилизованный характер. Политическая (с позиции немакиавеллистского подхода) конкуренция основана на принципе ненасилия, когда «легитимное насилие» со стороны государства принципиально ограничено. Конкурирующие проекты и решения при всех различиях ориентированы на общее благо, а не на групповые и тем более индивидуально-эгоистические интересы, а принцип формального равенства предполагает неограниченность участия. Наконец, политика систематически воспроизводится на основе закреплённых правил, т. е. имеет институциональные черты.

Мы предположили возможность выполнения как всех критериев (тогда речь идёт о политике), так и части из них (тогда наблюдаются явления *недополитики*, *дополитики*, *антиполитики*, обозначаемые собирательным термином «квазиполитика»).

Основной признак *недополитики*, в отличие от политики, — отсутствие институционализированности. Это — некие несистематические явления ненасильственной, ориентированной на общее благо, конкуренции проектов и решений — в условиях одного события или места (в случае т. н. «мерцающей политики») или среди неограниченного круга свободных граждан без систематического закрепления (в случае *протополитики*). При *недополитике*, как и при политике, акторы понимают важность политических принципов — свободы, уважения к чужому мнению и ориентации на общее благо, ненасилия, гражданской ответственности, доверия и др.

Эти принципы малозначимы в случае *дополитики*, предполагающей относительно закрытый процесс принятия решений властными группами и экспертными кадрами, которые ориентируются на личные эгоистические и групповые интересы, даже если среди них появляется конкуренция. По сравнению с политикой и *недополитикой*, *дополитика* — более архаичное явление, предполагающее использование властных ритуалов в ущерб интеллектуальным действиям, гипертрофированную роль иерархичности (выраженное деление на «верхи» и «низы») во всех сферах общественной жизни. *Дополитика* может быть устойчивой и неустойчивой. Свобода, ответственность и другие гражданские добродетели не актуализированы; такие явления, как «авторитарная личность» (Т. Адорно), «бегство от свободы» (Э. Фромм), — проблемы преимущественно *дополитических* соци-

альностей, т. к. они там более выражены. Области общественной жизни слабо дифференцированы и поглощаются властно-административной сферой, не оставляя места для политики. При наиболее архаичных вариантах возможен синкретизм этого «микса» с квазирелигиозной сферой, проявляющейся в той или иной сакрализации власти, привнесении в неё черт сверхъестественного. Однако насилие в условиях *дополитики*, хотя и чаще применимо, чем при политике и *недополитике*, не самое высокое и редко используется за пределами т. н. «легитимного насилия», властный процесс не основан на тотальном запугивании населения.

Неполитическую власть (*дополитику*) как относительно нормальное явление (возможно, наравне с *недополитикой* присущее «естественному состоянию» людей) следует отличать от ситуаций извращения человеческого общежития, когда тотальное запугивание, террор принимают систематический характер, и властный процесс, таким образом, основан на насилии. По мере нашего исследования эмпирического случая сегодняшней России, верифицировались идеи П. А. Кропоткина, который считал насилие извращением природы социального, возникающем в случаях, когда люди не знают, как действовать ненасильственно [Кропоткин 2011: 77]. Такие случаи мы назвали *антиполитикой*, поскольку при них попираются все принципы политики: властный актер применяет нелегитимное насилие против других в ущерб конкуренции проектов и решений, принципам свободы, равенства и общего блага. Аналогично *дополитике*, в зависимости от степени институционализации *антиполитика* может быть мерцающей и тотальной. Если политика, *недополитика* и *дополитика* способны в той или иной мере осуществлять регулирование общественных отношений, получение и распределение ресурсов, то *антиполитика* не может быть механизмом регулирования общественных отношений и оперирования ресурсами, но служит лишь средством «подкрепления» власти. С помощью насилия нельзя побудить индивида к *мотивированному* действию, отсюда его ограниченность даже для формирования лояльности «подданных». Именно эти факты побудили нас принять положения П. А. Кропоткина.

Рассмотренный нами континуум явлений регулирования общественных отношений – от наиболее (политика) до наименее (*антиполитика*) оптимального – определяется возможностями самореализации того или иного числа индивидов. Каждое из этих явлений исторично, возникает и исчезает в зависимости от конкретных условий, и их эволюция совсем не обязательно линейна, переход от одного явления к другому в том или другом направлении не предопределён, нередки случаи застоя.

Заметим, что политика – явление преимущественно Античности и Модерна (вопрос о её существовании в другие эпохи требует специального изучения), она возможна только при наличии свободных граждан, хотя принципы конкуренции, равенства, ненасилия, ориентации на общее благо весьма древние, встречаются в племенных институтах принятия решений (например, вече). Это говорит о том, что и *недополитика*,

и дополитика в равной степени присущи «естественному состоянию» людей, что не относится к *антиполитике*, поскольку насилие нельзя признать естественным.

Изложенную выше нормативную концепцию мы проверили эмпирическим путём с помощью данных репрезентативного всероссийского опроса 700 респондентов, проведённого летом 2018 г. отделом сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (руководители обследования С. В. Патрушев и Л. Е. Филиппова. Далее – опрос ОСПИ-2018). Ранее, в 2017 г., автор проводил неформализованные интервью при пилотном обследовании, эти материалы также использованы при обобщениях. По некоторым сюжетам мы обращались к результатам всероссийских опросов Левада-Центра.

Российская дополитика: точка отсчёта трансформаций

Эмпирические данные подтверждают наличие дополитики в сегодняшней России.

Наши респонденты понимают «политику» как сферу действия власти и достижения личных целей. Такое понимание адекватно дополитике, поскольку принцип общего блага не артикулируется. Это относится и к ответам на вопросы, в чьих интересах действует власть и как обычно принимаются решения. По мнению относительного большинства респондентов, власть в России ничто не может ограничить, и она действует в обход правил.

В свою очередь российские граждане, по мнению респондентов, руководствуются ценностями выгоды, силы, личного успеха, собственности, закона (который понимается как инструмент власти). Эти принципы интенсивно влияют на действия акторов, в то время как «политические» принципы и ценности – доверие, справедливость, мораль, права человека – вторичны, их упоминание респондентами редко превышает 10%.

В условиях российской дополитики респонденты не понимают значимости конкуренции в общественном и политическом процессах, но поддерживают специфически дополитическую идею «единства политических сил». Такая ситуация имеет, среди прочего, и исторические корни, поскольку в новой и новейшей истории России опыта политической конкуренции почти не было.

Данные Левада-Центра также подтверждают дополитическое состояние России в силу обращения акторов к соответствующим интерпретативным схемам. На вопрос «Что происходит, когда власть в стране многие годы находится в руках одних и тех же людей?» в 2007–17 гг. от 30 до 41% респондентов отвечали, что это обеспечивает порядок и стабильность в стране (этот показатель увеличивается) [Общественное... 2018: 45]. Сходным образом респонденты относятся к оппозиции: в 2017 г. около 40% считали, что она определённно и скорее нужна (в 2004 г. – вдвое больше), а 30% – скорее и определённно не нужна (против 13% в 2004 г.) [Общественное... 2018: 106].

Принцип неограниченности участия также не актуализируется респондентами опроса ОСПИ-2018, которые в соотношении 2:1 считают, что политика – дело немногих, и что правила политики отсутствуют или неизвестны.

Дистанция между «верхами» и «низами» весьма существенна. По данным Левада-Центра, с 1989 по 2017 гг. убывающее число респондентов (с 15 до 7%) считало, что органы власти являются народными и что их интересы совпадают с интересами простых людей [Общественное... 2018: 47]. Молчаливое согласие с такими представлениями лишает возможности мотивации к изменению ситуации.

Синкретизм политической и экономической сфер подтверждается тем, что три четверти опрошенных связывают власть и собственность, причём каждый третий констатирует невозможность их разделения.

Среди респондентов, доверяющих людям, обнаруживается меньше носителей других, помимо доверия, политических качеств, но наблюдаются многие качества дополитического «подданного» власти. Заметим, что в период 2010–17 гг. тенденция к некоторому преодолению недоверия на социетальном уровне не сопровождалась сходной динамикой на социальном уровне [Общественное... 2018: 43].

Воспроизводство в России кликового социального устройства и, соответственно, связанного с ним «кликokratического режима» (дополитики) вместо политической сферы можно подтвердить данными о том, на чью помощь в трудных жизненных ситуациях надеются опрошенные. С 1994 по 2017 гг. статистика ответов на этот вопрос почти не менялась: не более 5% респондентов надеялись на помощь государства и (или) своего работодателя, общественных организаций; при том, что на родственников и друзей стабильно полагаются не менее 50–60% респондентов. Доля опрошенных, надеющихся только на самих себя, колеблется от 33% (1997 и 2017 гг.) до 76% (2012 г.) – индивидуализм в России не получил (в связи с такими колебаниями) должной институционализации. Испытываемые людьми чувства в повседневной жизни в последние 20 лет почти не меняются [Общественное... 2018: 17–18] Согласно социологии эмоций и учению Л. И. Петражицкого, это стоит рассматривать как подтверждение неизменности неустойчивого характера не только эмоций, но и неопределённости правил, которыми движима российская социальность в эпоху трансформации.

В 2006–17 гг., по данным Левада-Центра, ответственными в семье себя считали около 80% опрошенных, на работе – около 40%, в доме/во дворе – 30%, в районе/городе – 5–15%, в стране 5–10% респондентов [Общественное... 2018: 37–39]. Низкий уровень ответственности – также одна из черт дополитики, основанной на некотором «послушании» и отчуждённости от процесса принятия решений, которое автоматически сводит на нет гражданскую ответственность.

Хотя каждый второй респондент опроса ОСПИ-2018 утверждал, что в России законы можно и нужно выполнять, но только каждый пятый считал, что может рассчитывать на равную помощь со стороны закона в случае конфликта с властью. Это говорит о слабой работоспособности права в России и связанных с этим серьёзных проблемах. По данным Левада-Центра 2013–17 гг., лишь 11–12% опрошенных хорошо помнили, что написано в российской Конституции, помнили плохо – 24–26%; читали,

но ничего не помнили 24–27%; никогда не читали Конституцию 37–41%. При этом около половины респондентов согласны с тем, что российские власти её соблюдают в полной мере или в основном [Общественное... 2018: 126].

Недостаточная работоспособность конституционных прав подтверждается тем, что респонденты в отдельных случаях всё чаще соглашались с ущемлением прав граждан ради интересов государства (16% в 1999 г., 14–17% в 2004–13 гг., 24–25% в 2015–17 гг.) при нестабильно колеблющейся доле респондентов, полагающих, что люди вправе бороться за свои права, даже если это идёт вразрез с интересами государства: 43% в 1999 г., 44–49% в 2004–9 гг., 46% в 2010 г., 52% в 2011 г., вновь снижение до 46–47% в 2013–17 гг.) [Общественное... 2018: 127]. Такие тенденции говорят об усилении дополитики в России.

Однако потенциал российской дополитики ограничен, поскольку она не в состоянии решать спектр задач, стоящих перед акторами. Это подтверждается данными Левада-Центра о предпочтениях респондентами разных политических систем: «советской, которая была у нас до 1990-х гг.», «демократии по образцу западных стран» и «нынешней системы» [Общественное... 2018: 26]. С конца 2010-х гг. (см. рис. 1) ослабевают симпатии респондентов к актуальному российскому властному устройству (исключение – лишь «крымский скачок» вверх в 2014–15 гг.).

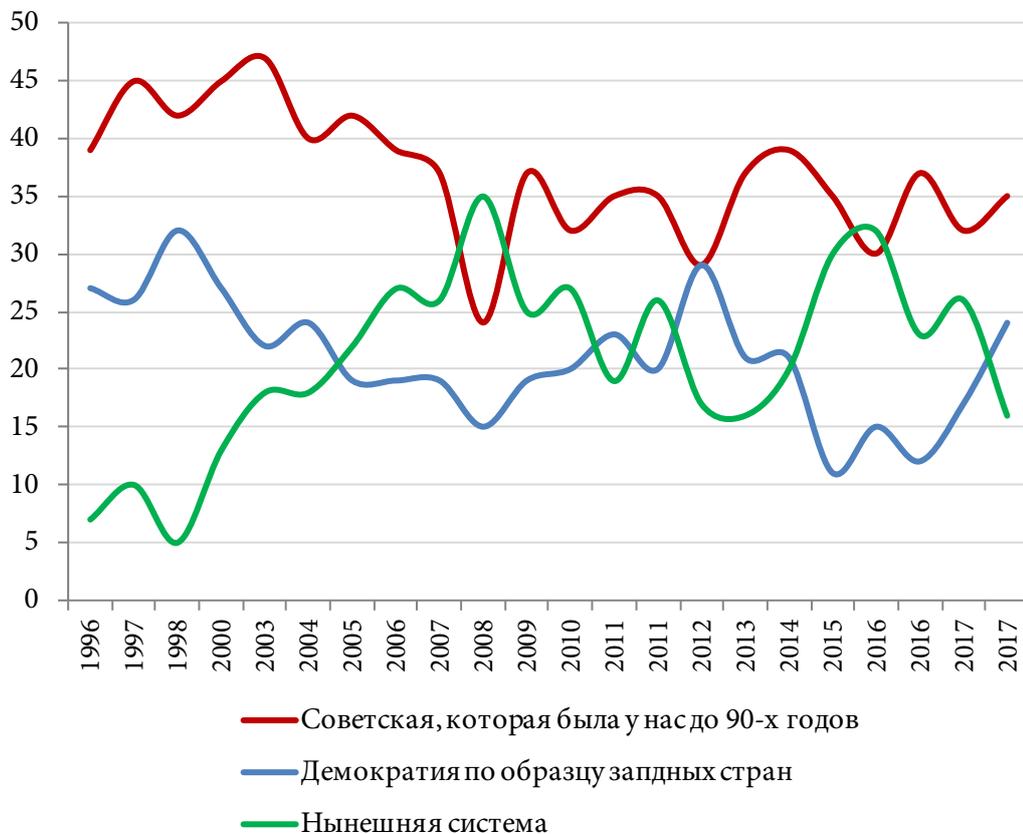

Рис. 1. Ответы на вопрос Левада-Центра о предпочтениях респондентами политических систем в России [Общественное... 2018: 26]

Diagram 1. Answers to a question of Levada Center on respondents preferences of political systems in Russia

Хотя жизнеспособность дополитики ослабевает, очевидных альтернатив для неё в России сейчас нет. Поэтому акторы случайно, ситуативно осуществляют практики *недополитики* и *антиполитики*, что может определить некоторые векторы трансформации в будущем.

При том, что кризис политики – всемирное явление, российская специфика заключается в архаичности дополитики, что подтверждает наличие культа силы, постоянные аналогии между семьёй и государством, сохранение гендерной асимметрии.

Многое можно понять и из того, как реализуются квазирелигиозные отношения. Религия, по умолчанию, – сфера соединения человека со сверхъестественным. Она способна принимать разные институциональные формы. При архаичной религиозности наблюдается синкретизм религии и власти. В России религиозная сфера синкретически связана с «миксом» власть–экономика–право. На эту особенность проливают свет данные Левада-Центра: с конца 1980-х гг. увеличивается число опрошенных, называющих себя верующими (православными – примерно от 20 до 80%, представителями других конфессий – до 10%); доля респондентов, называющих себя неверующими, сокращается (с 70 до менее 10% – см. рис. 2) [Общественное... 2018: 143]. Но ответы на вопрос «Есть ли у вас дома какие-нибудь предметы религиозного культа для совершения религиозных обрядов?» не согласуются с ростом числа верующих (75% в 2008 г. и 62 – в 2017) [Общественное... 2018: 145] Религия в качестве института соединения со сверхъестественным реализуется в культе, в противном случае – это только декларации.

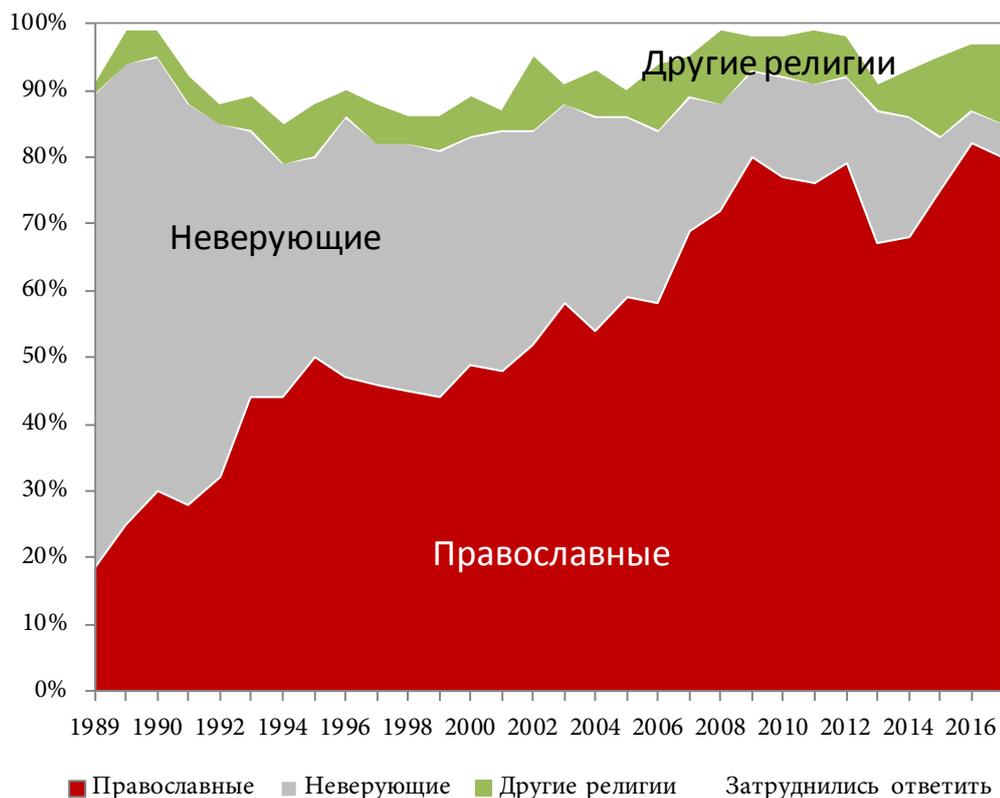

Рис. 2. Ответы на вопрос Левада-Центра о вероисповедании [Общественное... 2018: 143]

Diagram 2. Answers to a question of Levada Center on religion

Сокращение религиозных практик свидетельствует, что религиозная сфера слабо институционализована и «подменяется» идентификацией – квазисолидаризацией с какой-либо конфессиональной общностью, т. е. «квазирелигиозностью». Последняя не приводит к религиозным практикам, но предполагает оперирование квазирелигиозными интерпретативными схемами, которые не затрагивают связь со сверхъестественным, а легитимируют наличную архаичную *дополитику*, вторгаясь в нерелигиозные слабоинституционализованные сферы, включая властную, экономическую и правовую. «Подмена» религии квазирелигиозностью (находящейся в синкретизме с властно-экономико-правовой сферой) подтверждается данными Левада-Центра 2017 г.: при вышеописанных тенденциях «роста числа верующих» боятся гнева Божьего, Страшного суда лишь 5% респондентов [Общественное... 2018: 22]. Такое состояние религии интерпретируется нами как усиление архаизации *дополитики* в России. Интересно, что эта тенденция не одинакова в России и других странах, поскольку тенденции «роста числа верующих» при прекращении подлинно религиозных практик присущи не всем странам. К сожалению, мы не имеем возможности рассуждать об этом здесь, т. к. эта проблема может составить тему отдельного исследования.

Представляется, что продолжение *дополитики* в России всё менее возможно, на повестке дня – её трансформация. Обнаруживаются три возможные тенденции: к усилению архаичности *дополитики*, к возникновению политики и к формированию *антиполитики*.

Потенциал трансформации в сторону политики

Акторы российской *дополитики* несистематически, временами реализуют неинституционализованные практики *недополитики*, в которых стоит искать возможности трансформации в *недополитику* и политику.

Опрос ОСПИ-2018 показал, что акторы российской *дополитики* воспроизводят принципы политики весьма избирательно. При следовании одним политическим нормам и (или) интерпретативным схемам, они часто отказываются от следования другим, вместо этого следуя «альтернативным» квазиполитическим нормам и интерпретативным схемам. Из-за этого не выявляется достаточного числа носителей всех или хотя бы многих политических принципов, причём носители большинства принципов политики не понимают политику как конкурентный процесс. Многие респонденты оценивают текущие властные процессы излишне оптимистично, что, по нашему мнению, свидетельствует об их недостаточных гражданских и политических компетенциях. Например, опрошенные, считающие, что участники протестов движимы желанием жить лучше, сами являются преимущественно аполитичными акторами, для которых прежде всего важен принцип достатка.

Конкурентную суть политики, по данным ОСПИ-2018, отмечают преимущественно неудовлетворённые властью и окружающими процессами недоверчивые акторы, которые при этом не считают закон и права человека значимыми в политике и, таким образом, не являются политическими акторами.

Тем не менее потенциал для трансформации российской дополитики в политику можно усмотреть в признании важными для будущего России таких политических принципов, как права человека, справедливость, закон, равенство, доверие, свобода (37,3%). Однако их реализация предполагает готовность к политическому действию и к политическому участию. Пока большинство не показывает ни такой готовности, ни собственно действия и участия, предпочитая ничего не делать, а лишь «обсуждать политику» с друзьями и знакомыми.

Дополитика не даёт достаточных для формирования политики прав, свобод, обязанностей как в формальных правилах, так и, что важно, – в неформальных. Неформальные служат предпосылкой для установок на независимые инициативные гражданские и политические действия. Поэтому даже *недополитика* в России формируется весьма ситуативно, слабо, в «мерцании». Подобные выводы обнаруживаются и по данным Левада-Центра. Они показывают, что возможности участвовать в принятии решений в своей стране, своём районе, городе ограничены, респонденты имеют мало способов добиваться от власти решения своих проблем [Общественное... 2018: 40–42].

Потенциал трансформации в сторону *антиполитики*

Как и в рассмотренном ранее случае политики, часть акторов российской дополитики ситуативно обращается к практикам *антиполитики*.

Носители принципов *антиполитики* распределены относительно равномерно среди носителей разных властных, гражданских и, что парадоксально, политических принципов. Они разбираются в окружающей действительности, но не удовлетворены окружающим миром и по незнанию лишены гражданских добродетелей. Неудовлетворённые действующей властью, эти акторы желают сами быть властью, но «в альтернативу» сегодняшней власти – своими средствами, включая прежде всего использование насилия.

В 1989–2017 гг. ответы на вопрос Левада-Центра «Бывают ли такие ситуации в жизни страны, когда народу нужен сильный и властный руководитель, „сильная рука“?» колебались: на необходимость «сильной руки» в разные годы указывали от 15 до 45% респондентов (при снижении доли затруднившихся с ответом). В 2017 г. за «сильную руку» в постоянном или ситуативном режиме высказались 78%, против 17% [Общественное... 2018: 34]. Однако нет достаточного количества интерпретативных схем, описывающих, как противодействовать насилию, обеспечить его недопущение. Суждение П. А. Крopotкина о том, что люди применяют насилие в случае нехватки знаний о ненасильственных методах решения проблем, видимо, подтверждается.

Согласно нашим теоретическим размышлениям, присущее *анти*-политике нелегитимное насилие сосуществует с агрессией, а агрессия – следствие страха. Однако уровень «политических» страхов, по данным Левада-Центра, в России невысок [Общественное... 2018: 19, 22]. Это соответствует относительно невысокому значению насилия в сегодняшней российской социальности.

Важнейший срез для изучения насилия – историческая память респондентов. При политике и *недо*политике факты насилия в истории должны восприниматься как события, которым не следует повторяться, за которые стыдно и необходимо изыскивать методы недопущения их повторения. По данным Левада-Центра, в 1999–2017 гг. опрошенные испытывают всё меньше и меньше стыда за стремление навязать силой свой строй другим странам и народам (снижение с 15 до 4% респондентов), за наследие крепостничества, дух рабства, привычку людей к подневольному труду (соответственно с 17 до 8%), за репрессии, террор и выселения народов в 1920–50-х гг. (с 34 до 22%), за гонения на церковь в XX в. (с 21 до 11%) [Общественное... 2018: 32]. Актеры российской дополитики не видят в этом проблемы, либо не знают о досадных событиях прошлого, но что ещё более опасно – могут оправдывать это насилие. Подобные данные должны вызывать озабоченность. При опоре на такое общественное мнение может произойти трансформация в сторону *анти*политики.

Склонность к насилию можно также исследовать, изучая толерантность. Согласно опросам Левада-Центра, уровень неприязни к людям иной веры невысок – менее 10% респондентов [Общественное... 2018: 140]. Данные о ксенофобиях по этническому признаку более проблемные. Россияне спокойнее относятся к людям из иностранных государств, особенно из этнически близких Украины и Беларуси (относятся плохо 13–19%), но гораздо хуже (41%) – к людям из регионов Северного Кавказа, большей частью гражданам РФ, этнически другим [Общественное... 2018: 171]. Причины этого связаны с низкой интенсивностью взаимодействия разных общностей: россияне про этих «мигрантов» не особо много знают [Общественное... 2018: 172]. Такого рода ксенофобия, попирая базовые гражданские принципы и разрушая институт гражданства, среди прочего, препятствует формированию политики.

Ещё более настораживают ответы на вопрос Левада-Центра «Следует ли ограничить проживание на территории России людей следующих национальностей?»: в 2004–17 гг. лишь 11–28% респондентов давали согласующийся с российской Конституцией ответ о недопустимости таких ограничений. Большинство опрошенных полагало необходимым ограничения для вьетнамцев, евреев, выходцев с Кавказа и из бывших среднеазиатских республик СССР, китайцев, цыган, «всех наций, кроме русской» [Общественное... 2018: 174].

Респонденты, таким образом, не очень умеют жить вместе со «странными», по их мнению, людьми – которые по-другому выглядят и себя ведут. Это говорит о попрании принципов прав человека и равенства, и при неблагоприятном стечении обстоятельств может стать фак-

тором стимуляции *антиполитики*. По данным опроса ОСПИ-2018, нетолерантность представляет собой препятствие для солидаризации, а без солидарности политика не формируется.

Говоря о рисках трансформации российской *дополитики* в *антиполитику*, важно отметить, что *антиполитика* возможна лишь при применении насилия «сверху», со стороны власти, чему сегодня препятствуют риски для самой власти – репутационные и ресурсные, прежде всего. Представляется, что наличие этих рисков объясняет, почему власть «запугивает» население в России в весьма ограниченных масштабах, и они вряд ли могут заметно расширяться. К тому же, в виду привычки к бездействию, российские *дополитические* акторы не способны осуществлять насилие не в мыслях или на словах, а на деле. Но проблема сохраняется: российские акторы живут интерпретативными схемами, которые приводят к попранию принципов прав человека, равенства, отказу от действий ненасильственным путём.

Заключение

Для предотвращения *антиполитики*, с нашей точки зрения, необходимо обеспечивать образовательные и коммуникационные (внутри власти и населения и между ними) практики так, чтобы принципы прав человека и равенства, отказа от насилия интенсивно транслировались культурой (в том числе и особенно – искусством) и соблюдались в практиках и формируемых институтах. Наиболее эффективный инструмент предотвращения насилия и *антиполитики* – просвещение. Важно транслировать (в том числе в образовании и в произведениях искусства) знания об опасности насилия и интерпретационные схемы, как действовать ненасильственно, не потворствовать симпатиям к насилию; столь же важно – формировать условия для роста доверия, невозможности какой-либо сегрегации по религиозному или этническому принципу в государственной, гражданской, политической и многих других сферах, особенно – при оказании государственных и муниципальных услуг.

Сегодняшняя российская социальность не релевантна критериям современного общества, а её властное устройство не является политическим, с нашей, базирующейся на немакиавеллистском подходе к пониманию политики, точки зрения. Имеет место устойчивая *дополитика*, архаическая и теряющая свою работоспособность без инструментов насилия. В случаях, когда практики *дополитики* неработоспособны, акторы обращаются к практикам *недополитики* или *антиполитики*, либо усиливают архаичность наличной *дополитики*. Эмпирически обнаружены все эти три тенденции.

Носители «политических» и «антиполитических» принципов среди респондентов опроса ОСПИ-2018 распределены равномерно-дисперсно, без концентрации в каких-либо социально-демографических категориях. Это объясняется тем, что выбор предпочтений между «наборами» принципов определяется не социально-демографическими факторами, а взаимностью и универсальностью отношения акторов к человеческому общежитию.

Библиографический список

Гидденс Э. 2005. Устройство общества: Очерк теории структуризации: 2-е изд. / Пер. И. Тюрина. М.: Академический проект. 528 с.

Граждане и политические практики в современной России: Воспроизводство и трансформация институционального порядка. 2011 / [ред. колл.: С. В. Патрушев (отв. ред.), С. Г. Айвазова, П. В. Панов]. М.: РАПН; РОССПЭН. 318 с.

Гражданское и политическое в российских общественных практиках / Под ред. С. В. Патрушева. М.: РОССПЭН, 2013. 524 с.

Денисов С. А. 2011. Административное общество. Екатеринбург: Гуманитарный университет. 606 с.

Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С. В. Патрушева. М.: ИСП РАН, 2006. 589 с.

Инфраструктура свободы. Общие вещи и Res Publica: коллективная монография / Под ред. О. Хархордина, Р. Алапура, О. Бычковой. СПб.: Издательство Европейского университета, 2013. 352 с.

Кропоткин П. А. 2011. Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Редакция журнала «Самообразование». 254 с.

Массовая политика: Институциональные основания / Под ред. С. В. Патрушева. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 287 с.

Общественное мнение—2017. М.: Левада-Центр. 2018. 244 с.

От общественного к публичному: коллективная монография / Науч. ред. О. В. Хархордин. СПб.: Издательство Европейского университета, 2011. 530 с.

Пастухов В. Мы живем в «дополнительном» государстве! // Агентство политических новостей. URL: <http://www.apn.ru/publications/article17284.htm> [Дата посещения: 14.09.2018].

Патрушев С. В. 2011. Кликократический порядок как институциональная ловушка российской модернизации // Полис. Политические исследования. № 6. С. 120–133.

Политическая наука: научный журнал / Ред.-сост. номера С. В. Патрушев, Л. Е. Филиппова. М.: ИНИОН РАН. 2018. № 2. 310 с.

Экспертное обсуждение концепции конституирования политического поля и политического пространства в России / Отв. ред. С. В. Патрушев, Л. Е. Филиппова. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 73 с. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=5773> [Дата посещения: 14.09.2018].

DOI: 10.19181/vis.2019.29.2.577

Policy and Quasi-Policy in Russia: Vectors for a Possible Transformation

Artemiy M. Kuchinov

Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, Moscow, Russia.

E-mail: arkuchinov@yandex.ru

For citation: Kuchinov, A. M. Policy and quasi-policy in Russia: vectors for a possible transformation. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 75–89. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.577>

Abstract. The reality of Russia confirms the relevance of studying the specifics of the historical form of policy prevalent in the country. In order to analyze the nature of the existing order of power in post-Soviet Russia, different analytical categories are required compared to democracy or authoritarianism. This warrants using approaches and methods which lie at the border between political science and sociology. Such approaches allow for examining politics as a process and a result of not only the elites' doings, but also a group of actors, which is not only not outlined, but, on the contrary, isn't really limited. The author of this article offers an authentic policy typology, starting with its ideal variety, being institutionalized, based on universal trust rather than force and on competition between projects and decisions aimed at common benefit, conducted within an indefinite circle of free citizens. Compared to true policy, the main distinctions of other phenomena is a lack of institutionalization in the case of "under-policy", lacking principles of unrestricted participation and alignment towards common good in the case of "pre-policy", and the use of unlawful violence in the case of "anti-policy". These phenomena can be described using the collective term "quasi-policy". "Under-policy" and "pre-policy" are inherent to people's "natural state", and can be used as a means to adjust public life and the circulation of resources, while "anti-policy" is a perverse form of social order which arises from not knowing any non-violent solutions to various problems. Based on the empirical data, the author shows that "pre-policy", which is becoming ever less effective, is prevalent in Russia, while also considering possible trends for its subsequent transformation. "Pre-policy" is characterized by syncretism of the governmental, economic and legislative domains of public life, being an archaic phenomenon by default. However, the degree of "pre-policy's" archaism varies. In Russia's case it is quite high. In Russia we see a high degree of integration on the social level within situational informal groups (cliques), combined with a low degree of trust on the societal level, which leads to there not being ideologically manifested political differentiation. The tendencies when it comes to the transformation of Russia's "pre-politics" are multidirectional and conflicting: together with amplified "pre-policy" by means of increasing archaism, we can also observe pre-political actors occasionally resorting to certain principles of "under-policy" and "anti-policy", when "pre-policy" is unable to help said actors solve the problems that they face.

Keywords: power, politics, quasi-politics, Russian transformations

References

Giddens A. The constitution of society: Outline of the theory of structuration. Berkley, Los Angeles: University of California press, 1984. 402 p.

Citizens and political practices in contemporary Russia: Reproduction and transformation of institutional order. Ed. by S. V. Patrushev. Moscow: RAPN, ROSSPEN, 2011. 318 p. (In Russ.).

The civic and the political in Russian social; practices. Ed. by S. V. Patrushev. Moscow: ROSSPEN, 2013. 524 p. (In Russ.).

Denisov S. A. Administrative society. Ekaterinburg: Humanitarian university, 2011. 606 p. (In Russ.).

Institutional political science: Modern institutionalism and political transformation of Russia Ed. by S. V. Patrushev. Moscow: ICPS RAS publ., 2006. 589 p. (In Russ.).

Freedom infrastructure. Shared Things and Res Publica: A Collective Monograph Ed. by O. Kharkhordin, R. Alapuro, O. Bychkova. Saint-Petersburg: European university press, 2013. 352 p. (In Russ.).

Kropotkin P. A. Mutual aid: A factor of evolution. New. York, McClure, Phillips & Co, 1902. 348 p. (In Russ.).

Mass politics: Institutional foundation. Ed. by S. V. Patrushev. Moscow: Political encyclopedia, 2016. 287 p. (In Russ.).

Public opinion-2017. Moscow: Levada-center, 2018. 244 p. (In Russ.).

From "obshchestvennoye" (social) to public. Ed. by O. V. Kharkhordin. Saint-Petersburg: European university press, 2011. 530 p. (In Russ.).

Pastukhov V. We live in pre-political state! Political news agency website. URL: <http://www.apn.ru/publications/article17284.htm> [accessed: 14.09.2018] (in Russ.)

Patrushev S. V. The clickocratic order as an institutional trap of Russian modernization. Polis = Political studies. 2011; (6):120–133 (In Russ.).

Expert discussion of the concept of constitutionalization of the political field and political space in Russia. Ed. by S. V. Patrushev, L. Y. Philippova. Moscow: FCTAS RAS publ., 2017. 73 p. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=5773> [accessed: 14.09.2018] (In Russ.).